

ПЛАТОН

ФЕДОН

Диалоги

Платон

Федон

«РИПОЛ Классик»

УДК 11
ББК 87.3

Платон

Федон / Платон — «РИПОЛ Классик», — (Диалоги)

Федон — один из диалогов Платона. Назван по имени сократовского ученика Федона, основателя Элидо-эретрейской школы. Он и Эхекрат являются участниками диалога. Согласно диалогу, при казни Сократа присутствовали Федон, Аполлодор, Критобул с отцом, Гермоген, Эпиген, Эсхин, Антисфен, Ктесипп, Менексен, фиванцы Симмий, Кебет, Федонд, мегарцы Евклид и Терпсион. Имея целью описать последний день жизни Сократа, диалог содержит его попытку доказать своим молодым ученикам, что его душа переживёт его тело и после смерти будет путешествовать по прекрасным местам.

УДК 11
ББК 87.3

Содержание

ФЕДОН	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Платон ФЕДОН

ФЕДОН

В диалоге участвуют

СОКРАТ

ЭХЕКРАТ из Флиунта, пифагореец

ФЕДОН из Элиды

**АПОЛЛОДОР КЕБЕТ, СИММИЙ,
фиванцы, ученики пифагорейца Филолая**

КРИТОН – афинянин, друг и ученик Сократа

ПРИСТАВ КОЛЛЕГИИ ОДИННАДЦАТИ СУДЕЙ

Эхекрат. Сам-то ты, Федон, был у Сократа в тот день, когда он в темнице выпил яд, или слышал об этом от кого другого?

Федон. Я там был сам, Эхекрат.

Эхекрат. Что же говорил этот человек перед смертью? И как скончался? С удовольствием послушал бы. Вот уже давно никто из флиунтян не переселялся в Афины, а из Афин с тех пор не приезжал ни один гость, который мог бы нам рассказать об этом ясно, – по крайней мере более того, что Сократ выпил яд и умер; о прочем же ничего не говорят.

Федон. Так вы не знаете и о том, как происходил над ним суд?

Эхекрат. Да, нам кто-то сказывал, и мы еще удивлялись, что он умер, кажется, спустя много времени по окончании суда. Отчего это было, Федон?

Федон. Это зависело от случая, Эхекрат. Случилось, что накануне осуждения увенчана была корма корабля, который афиняне отправляют на Делос.

Эхекрат. А что это за корабль?

Федон. Это, по словам афинян, тот корабль, на котором Тесей, привезши некогда на Крит известных четырнадцать человек, и их спас, и сам спасся. Рассказывают, будто афиняне в это время дали обет Аполлону, что они будут ежегодно отправлять в Делос священное посольство, если спутники Тесея спасутся. Такое-то посольство они всегда и отправляли, да и ныне еще ежегодно отправляют. Когда же наступит этот праздник, по их закону, город соблюдается

чистым и публичных смертных казней не совершается, пока корабль не достигнет Делоса и не приплывет обратно. Иногда, если путешественников задерживают встречные ветры, это плавание совершается долгое время. Праздник начинается, как только жрец Аполлона увенчивает корму корабля, что случилось, как я сказал, накануне осуждения. Поэтому в темнице промежуток между осуждением и смертью был для Сократа продолжителен.

Эхекрат. Так что же скажешь ты о самой смерти его, Федон? Что было говорено и сделано? Кто из близких людей находился при этом человеке? Или властители не позволяли приходить к нему и он умер, не видя друзей?

Федон. О нет, с ним были некоторые, даже многие.

Эхекрат. Постарайся же рассказать нам обо всем сколь возможно подробно, если ничто не отвлекает тебя.

Федон. Сейчас я свободен и расскажу вам тем охотнее, что и для меня нет ничего приятнее, как вспоминать о Сократе, сам ли говорю о нем или слушаю другого.

Эхекрат. Да и в слушателях своих, Федон, ты найдешь людей, подобных тебе, так постарайся же объяснить нам все насколько можешь обстоятельнее.

Федон. Находясь у Сократа, я испытал что-то удивительное. Во мне даже не пробуждалось и сожаления о друге, в то время как он был столь близок к смерти. Он казался мне, Эхекрат, блаженным – и по состоянию его духа, и по словам; он умирал столь бестрепетно и великодушно, что самое его нисхождение в преисподнюю, думал я, совершается не без божественного удела, что и там он будет счастливее, нежели кто-либо другой. Все это происходило потому, что во мне не пробуждалось ни особенного сожаления, какому следовало бы быть при тогдашней беде. Однако не пробуждалось во мне и удовольствия – оттого, что мы, по обыкновению, философствовали, а разговор был и в самом деле философский. Напротив, живо представляя, что Сократ скоро должен умереть, я питал какое-то странное чувство, какую-то необыкновенную смесь удовольствия и скорби. Да и все присутствовавшие были почти в таком же расположении духа: то смеялись, то плакали, особенно один из нас, Аполлодор. Ты знаешь, может быть, этого человека и нрав его.

Эхекрат. Как не знать.

Федон. Так вот, он находился точно в таком состоянии духа; да и сам я был возмущен, и другие.

Эхекрат. А кто тогда находился при нем, Федон?

Федон. Из соотечественников пришли наш Аполлодор, Критобул и отец его Критон, а также Гермоген, Эпиген, Эсхин и Антисфен; пришли еще Ктисипп Пэанский, Менексен и другие соотечественники; а Платон, кажется, был нездоров.

Эхекрат. Были и какие-нибудь иностранцы?

Федон. Да, фиванец Симмий, Кебет и Федонд, а также Эвклид из Мегары и Терпсион.

Эхекрат. А были ли Аристипп и Клеомброт?

Федон. Нет, рассказывали, что они находились в Эгине.

Эхекрат. Кто же был еще?

Федон. Кажется, только эти лица.

Эхекрат. Так что же? О чем говорили?

Федон. Я постараюсь пересказать тебе все с начала. Мы и в предшествующие дни имели обыкновение приходить к Сократу, предварительно собравшись в том месте, где происходил суд, так как оно было близ темницы. Здесь, разговаривая между собою, мы каждый раз ожидали, пока отопрут темницу, ибо отпирали ее не рано; когда же она бывала отперта, входили к Сократу и по большей части проводили с ним целый день. Но в последний раз собрались мы гораздо ранее, потому что, выходя из темницы вечером накануне того дня, узнали, что корабль уже возвратился из Делоса, и дали друг другу обещание сойтись в известном месте как можно ранее. Пришли; но сторож, обыкновенно отворявший нам дверь, вышел и сказал, чтобы мы

подождали и не входили, пока Сократ сам не позовет нас, потому что теперь, прибавил он, одиннадцать судей снимают с него оковы и объявляют, какой смертью в этот день он должен умереть. Спустя некоторое время сторож вышел вновь и приказал нам войти. Входим и видим Сократа только что освобожденным от оков; подле него сидит Ксантиппа (ты, конечно, знаешь ее) и держит дитя. Как только она увидела нас, тотчас подняла вопль и начала говорить все, что говорят женщины, например: О Сократ! Вот друзья твои с тобою и ты с друзьями – беседуете уже в последний раз... Но Сократ, взглянув на Критона, сказал:

– Критон! Пусть кто-нибудь отведет ее домой. Тогда некоторые из Критоновых слуг повели ее, а она кричала и била себя в грудь.

Между тем Сократ, приподнявшись на скамье, подогнул ногу, стал потирать ее рукою и, потирая, сказал:

– Друзья! Как странным кажется мне то, что люди называют приятным! В какой удивительной связи находится оно со скорбью, хотя последняя, по-видимому, противоположна первому! Взятые вместе, они не уживаются в человеке; но кто ищет и достигает одного, тот почти вынуждается всегда получать и другое, как будто эти две противоположности соединены в одной вершине. Если бы такая мысль, продолжал Сократ, представилась Эзопу, то он, кажется, сложил бы басню, что бог, желая примирить столь враждебные противоположности, но не сумев это сделать, соединил их вершины, следовательно, кому досталась одна из них, тот за нею получает и другую. Вот так и сам я – от оков прежде чувствовал в своей ноге боль, а теперь за болью, кажется, следует что-то приятное.

– Клянусь Зевсом, Сократ, – подхватил Кебет, – ты хорошо сделал, что напомнил мне. Меня уже спрашивали и другие, а недавно и Евен о тех стихотворениях, которые ты написал, перелагая рассказы Эзопа, и о гимне Аполлону: что бы это вздумалось тебе писать стихи, пришедши сюда, между тем как прежде ты никогда и ничего не писал? Если, по твоему мнению, мне надобно отвечать Евену, когда он опять спросит меня (а я наверняка знаю, что спросит), то скажи, каков должен быть мой ответ.

– Отвечай ему правду, Кебет, что я написал это, не думая быть соперником ни ему, ни его творениям, ибо знал, что такое соперничество нелегко, но желая испытать значение некоторых снов и успокоить совесть, – не мусическим ли искусством нередко они повелевали заниматься? Дело вот в чем. В продолжение моей жизни нередко повторялся у меня сон, который, являясь в разных видах, говорил всегда одно и то же: Сократ! Твори и трудись на поприще муз! И я в прежнее время всем занимался в той мысли, что к этому располагает и призывает меня сновидение. Как на скороходов имеют влияние зрители, так и на меня, в моей работе, это сновидение, повелевавшее заниматься мусическим искусством; ибо философия, думал я, есть величайшее мусическое искусство, и ею должен я заниматься. Но потом, когда суд был окончен, а Божий праздник препятствовал мне умереть, я подумал: ну что если сон многократно возбуждал меня трудиться над народным видом мусического искусства? Ведь надобно трудиться, а не отвергать внушения, потому что безопаснее умереть, когда, повинувшись сновидению, успокоишь совесть через сочинение стихотворений. Поэтому сначала я написал гимн богу, которому тогда приносима была жертва, а после бога, рассудив, что поэту, если он хочет быть поэтом, надобно излагать не рассказы, а мифы, и не находя в себе способности вымышлять, я переложил в стихи первые попавшиеся мне из тех басен Эзопа, которые были у меня под рукою и в памяти. Так вот что отвечай Евену, Кебет: да пусть он будет здоров и, если рассуждает здраво, пусть скорее бежит за мною. Я, как видно, отхожу сегодня: такова воля афинян. Но Симмий сказал:

– Что ты это, Сократ, советуешь Евену? Ведь я уже много разговаривал с ним, и, насколько понимаю, он охотно никак не послушает тебя.

– Почему же, – возразил Сократ, – разве Евен не философ?

– Кажется, философ, – отвечал Симмий.

– Следовательно, и Евен захочет, и всякий достойно принимающий участие в этом деле. Конечно, он, может быть, не наложит на себя рук, ибо это, говорят, незаконно.

Тут Сократ спустил ноги со скамьи на пол и, сидя в таком положении, продолжал беседовать. Кебет спросил его:

– Ты говоришь, Сократ, что наложить на себя руки незаконно, а между тем философу можно желать следовать за умирающим?

– Так что же, Кебет? Разве ты и Симмий не слышали об этом от Филолая, когда общались с ним?

– По крайней мере ничего ясного, Сократ.

– Впрочем, и я знаю только понаслышке; однако ж, что слышал, того не скрою. Да человеку, собирающемуся перейти в другую жизнь, и весьма прилично, наверное, выдумывать и толковать о ней и о том, какова она будет. Да и стоит ли делать что-нибудь иное сегодня, коротая время до захода солнца?

– Так почему же говорят, Сократ, что лишать жизни самого себя незаконно? Теперешнее твое суждение я уже слышал и от Филолая, когда он жил у нас; знаю и от других, что делать этого не надобно, но ясно ни от кого и никогда не слыхивал.

– Должно сильнее желать, – сказал Сократ, – тогда, глядишь, и услышишь. Может быть, для тебя покажется удивительным, что это одно из всего безусловно справедливо и что не случается, как в прочих делах, чтобы только иным людям и только иногда было лучше умереть, нежели жить, а другим другое. Если же человеку лучше умереть, то ты, вероятно, удивишься, почему бы он поступил нечестиво, благодетельствуя самому себе, и зачем бы ему ожидать другого благодетеля.

Тут Кебет, слегка улыбнувшись, сказал:

– Зевс знает, что он говорит!

– Конечно, с первого взгляда это может показаться бессмыслицей, – заметил Сократ, – однако же в моих словах есть некоторый смысл. Изречение, содержащееся в сокровенном учении, что мы, люди, живем в какойто темнице, а потому сами собою не должны освобождаться из нее и уходить, мне представляется слишком высоким и трудным для рассмотрения; но то, Кебет, по моему мнению, хорошо сказано, что боги суть наши попечители, а мы – одно из их достояний. Или ты не так думаешь, Кебет?

– Так, – отвечал он.

– Но если бы какое-нибудь из твоих достояний, – продолжал Сократ, – захотело умертвить само себя, независимо от твоего разрешения на эту смерть, то не прогневался ли бы ты на него и не подверг ли бы его наказанию, какому можешь?

– Конечно, – отвечал он.

– Значит, благоразумие требует умерщвлять себя не прежде, чем тогда, когда бог пошлет необходимость, в какую теперь поставлены мы.

– Правда, что так, – сказал Кебет, – но кажется странным то твое положение, Сократ, будто философам легко желать смерти, особенно когда мы одобрили мнение, что бог есть наш попечитель, а мы его достояние. Люди мудрейшие не имеют причины не скорбеть, оставляя такое служение, к которому они призваны самыми добрыми распорядителями вещей – богами; ибо не думают ведь они наверняка, что, став свободными, лучше позаботятся о самих себе. Глупый, может быть, и возразит, что надобно бежать от господина, так как не умеет понять, что от доброго бежать никак не должно, а должно тем более оставаться с ним и что побег был бы делом безумным; но мудрому, кажется, естественно желать всегда быть с тем, кто лучше его. Так-то, Сократ; мне представляется противное тому, что сейчас говорил ты: людям мудрым при смерти прилично скорбеть, а радоваться в этом случае свойственно лишь глупым.

Выслушав это, Сократ, казалось, был доволен способностью Кебета к исследованию и, взглянув на нас, сказал:

– Кебет непременно всегда испытывает мысль и с первого раза никак не верит тому, что ему говорят.

– Да и точно, Сократ, – подхватил Симмий, – мне самому думается, что Кебет, по крайней мере теперь, говорит дело; ибо с какой целью люди мудрые могли бы бежать от господ, действительно лучших, нежели они сами, и легкомысленно оставлять их? Его речь, по-видимому, направлена против тебя, так как ты столь равнодушно оставляешь и нас и богов, которых сам же считаешь добрыми властителями.

– Вы правы, – сказал Сократ, – я вижу цель ваших слов: вам хочется, чтобы я защищался против этого обвинения, как в суде.

– Совершенно так, – отвечал Симмий.

– Хорошо, – продолжал Сократ, – постараюсь оправдаться перед вами успешнее, чем перед судьями. Если бы я не думал, Симмий и Кебет, что, во-первых, пойду к иным мудрым и благим богам, во-вторых, к умершим людям, лучшим, нежели эти, то был бы виноват, не скорбя при смерти. Но теперь – знайте, я надеюсь увидаться с добрыми людьми, хотя не смею утверждать это слишком решительно; а что предстану пред добрыми владыками, богами, – это, поверьте, могу доказать столь же решительно, как что-либо другое. Потому-то и не скорблю, а надеюсь, что умершие существуют и что добрым из них, как издревле говорится, гораздо лучше, нежели злым.

– Так что же, Сократ, – сказал Симмий, – питая в уме такую мысль, ужели ты отойдешь, не передав ее нам? Ведь в этом благе, думаю, мы все должны иметь свою долю. Притом вот тебе и оправдание, если убедишь нас в истине своих слов.

– Хорошо, постараюсь, – отвечал Сократ. – Но прежде посмотрим, что такое давно уже, кажется, хочет сказать мне Критон.

– Сказать нечего, Сократ, кроме того, что человек, собирающийся принять яд, беспрестанно твердит мне, чтобы ты как можно менее разговаривал, потому что разговаривающие, по его словам, слишком разгорячаются, а перед принятием яда этого быть не должно: в противном случае иногда бывает нужно повторять прием два и три раза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.